

яса шелкового пути, т. к. это очень будет стимулировать внутренний и внешний отечественный рынок.

Литература

Ли Син. Россия и Китай в евразийской интеграции: сотрудничество или соперничество? / Российский совет по международным делам РСМД. СПб.; М.: Нестор-История, 2015. 350 с.

Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века. Издано с санкции Госсовета КНР. Пекин: Изд-во лит. на ин. яз., 2015. 46 с.

Уянаев С. В. Новые «Шелковые пути» Китая: принципы и параметры официальной «дорожной карты» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. Вып. 20. Т. 20. С. 242–259.

Ю. С. Филаретова

магистрант 1 курса, УрФУ

Yuliya_filaretova@mail.ru

Формирование современной системы международных отношений на примере Сирийского конфликта

Статья освещает проблемы формирования новой системы международных отношений, доказывая или опровергая подходы ученых о миропорядке на примере Сирийского конфликта, который представляет собой основную площадку взаимодействия государств в настоящее время.

Ключевые слова: система международных отношений, кризис, поляриность, Сирийский конфликт.

Разрушение Восточного блока с распадом СССР в 1991 г. завершило эру холодной войны между ОВД и НАТО и обозначило появление однополярной системы международных отношений, которое увенчало гегемонию США и перевес в сторону НАТО, приведя мир в неуравновешенность [Богатуров, 1993, с. 30–31].

XXI в. внес много изменений в отношения между странами и их место на международной арене, которые усложнились возрастающим числом новых угроз. Поэтому в настоящее время стоит вопрос: какова же система международных отношений сегодня?

Для ответа на вопрос проанализируем основные исследования в этой области и определим систему, которая сложилась в ходе Сирийского конфликта, чтобы проецировать ее на мировую систему международных отношений.

Ряд ученых утверждает, что современная система представляет собой многополярный неевропоцентричный мир с несколькими центрами влияния [Burrows, 2017, p. 2–4]. В XXI в. на международной арене появляется все большее число государств, претендующих на роль мировых или региональных держав [Acharya, 2018b, p. 2–3]. Так, в Сирийский конфликт втянуты десятки стран, которые бьются за место в современном миропорядке: от таких крупных держав, как Россия, Китай, США, Великобритания и т. д., до региональных: Иран, Саудовская Аравия, Катар и т. д. Также одними из главных участников конфликта являются террористические организации, способные влиять на ход войны и конфигурацию взаимоотношений между странами-участницами конфликта, что говорит о многообразии акторов в современном миропорядке [Acharya, 2018b, p. 1–2].

Другие ученые описывают современную систему как форму биполярности [Иванов, 2014, с. 4], уделяя внимание конфронтации между Западом и Россией. Так, в Сирийском конфликте на фоне пропагандистской войны мы видим сформировавшиеся два противоположных блока: один во главе с Россией поддерживает официальное сирийское правительство, другой во главе с США оказывает поддержку сирийской оппозиции.

Существует и подход продолжающейся однополярности во главе со сверхдержавой США. Однако исследования показали, что первоочередная роль России в урегулировании одного из самых сложных конфликтов XXI в., Сирийского конфликта, включая военные действия страны по борьбе с современной угрозой международного терроризма в лице ИГИЛ (запрещена в РФ), а также дипломатические успехи в создании площадки для переговоров и создание режима прекращения огня говорят о важной роли России в системе международных отношений.

Подводя черту под вышесказанным, стоит отметить, что система международных отношений представляет собой комбинацию нескольких подходов, что объясняется международными трендами [Bobo, 2015, p. 2–3]. Можно точно утверждать, что основой современной системы является многополярность, представляющая многогранную акторность, в совокупности с элементами биполярности, выраженной в конфронтации между двумя странами или двумя блоками на региональном или мировом уровнях, и частым перевесом в чью-то сторону.

Литература

Богатуров А. Д. Кризис миросистемного регулирования // *Международная жизнь*. 1993. № 7. С. 30–40.

Иванов И. С. Проблемы и перспективы строительства Большой Европы // *РСМД*. 2014. № 17. С. 4–7.

Acharya A. Imagining a Global IR Out of India // *Observer Research Foundation*. 2018a. Iss. 224. P. 1–8.

Acharya A. Writing (and Teaching) Global International Relations: Some Reflections // *IPSA World Congress of Political Science*. 2018b. P. 1–11.

Bobo L. Russia and the shifting global order // *Chatham House*. 2015. P. 1–8.

Burrows M. Western options in a multipolar world // *Atlantic Council*. 2017. P. 1–11.

А. Р. Дагаев

студент 3 курса, РАНХуГС

dagaevand97@gmail.com

Проблема социально-экономического развития северо-востока Китая как пример дисбаланса развития регионов КНР

Развитие экономики КНР в период «реформ и открытости» шло быстрыми темпами, но было неравномерным, а особенно депрессивным и малоразвитым регионом оказался северо-восток Китая. В статье рассмотрены исторические предпосылки такого развития, обозначен ряд мер, которые предпринимает и предпринимало центральное правительство для нормализации положения, а также даны прогнозы на дальнейшую диспропорцию социально-экономического развития данного региона с другими областями страны.

Ключевые слова: экономика КНР, региональное развитие, Дунбэй, старая промышленная база, социальная напряженность.

Экономика КНР — одна из наиболее динамично развивающихся в мире, но существует проблема неравномерного развития регионов, самым отсталым из которых считается северо-восток — так называемая «старая промышленная база» [Островский, 2015, с. 7–10] с самыми низкими темпами роста ВРП в стране [Зуенко, 2016а, с. 5–6].

Отставание имеет исторические предпосылки: 1) старые (японские и советские) предприятия тяжелой промышленности [Александрова, 2013, с. 326–328]; 2) неэффективные государственные предприятия [Александрова, 2014, с. 66–67]; 3) существование городов ресурсного типа [Ставров, 2016, с. 59]; 4) большая доля работников госсектора (35%) [Александрова, 2014, с. 73].